

АЛЕКСАНДР
БУРАВСКИЙ

СЕГОДНЯ ИГРАЕМ
ЗА «БАБКИ»

Одноактная пьеса

Действующие лица

Ванька — Иованна.
Сережа.
Коля.
Паша.
Все — очень молодые.

Наши дни.

На сцене слева — институтская курилка, справа — вестибюль со скамьей и табличкой «Курить воспрещается». Эти два пространства разделены перегородкой с дверью, ведущей в курилку, и коридором, уводящим в глубину сцены, в темноту. В вестибюль входит Ванька, молодая девушка, одетая по-летнему. (Она говорит с акцентом.)
В руках у нее пестрый целлофановый пакет.

Ванька (кричит). Сэргей! Сэргей, где ты?
Голос Сережи. Иду!
Ванька. Быстрее, это же я, Ванька!

Из коридора выходит Сережа. Он грязно одет, поскольку только что вернулся из военного лагеря.

(Бросается к нему.) Милый, приехал! (Целует.) Тебя не было целый огромный месяц!..

Сережа. Иованна! (Целует.)

Ванька (шутливо-сердито). Фу! Ты разучился сладко поцеловать, Сэргей! Почему не можно выпить всего тебя?

Серезжа. Как ты думаешь, на сборах я только и делал, что практиковался...

Ванька. Нет! Ты практиковал устраивать большой бой. Жалко. Лучше бы любовь... Но теперь скоро-скоро забывай! *(Протягивает пакет.)* Смотри, я что-то принесла для тебя.

Серезжа *(достает из пакета)*. Джинсы!

Ванька. Я думала, за месяц ты ненавидел мундир. Я права? И просила, чтобы один наш парень привез настоящий «Леви Страусс».

Серезжа. Спасибо!

Ванька. Исус, как я ждала этот «Леви Страусс»! Боялась, что ты приедешь раньше... Так мучилась! Думаю, в конце концов я ждала его сильнее, чем тебя!

Серезжа *(подхватывает шутливый тон)*. Но по мне-то хоть немножко скучала?

Ванька. Верись — много-много скуки! И больше ничего... почти ничего!

Серезжа *(нахмурившись)*. Почти? Иованна, а почему — почти?

Ванька. О, милый солдат, прости свою... как это... вдовицу! Однажды случилось так жарко в этом городе, я не умела жить! И один друг милого солдата увез Ваньку купаться — он имеет виллу у реки. Это, думаю, важный генерал, и его имя...

Серезжа *(мрачно)*. Пашка. Уверен был...

Ванька. Но я запретила ему делать что-то большее — только, может, немножко поцеловать.

Серезжа. Здорово!.. Вань, а может, давай скажем друг другу «до свидания» — и разойдемся в разные стороны? Ты туда, а я сюда... *(Взгляд его остановился на коридоре, поэтому он помрачнел. Сел и задумался. Кажется, что теперь он не слышит, что говорит Ванька.)*

Ванька. Сэргей, боюсь, что военный лагерь портит твой ум. Там твоя винтовка — это твоя винтовка, о'кей. Но здесь! Исус, здесь я люблю всех вас. А больше — вашу музыку! Ты слушаешь Ваньку?

Серезжа. Всех нас? Пашку? Меня? Может, Хендрикса? Или всю бит-группу по очереди? Ладно, понял... *(Вновь задумался о чем-то своем.)*

Ванька *(тихо, испуганно)*. Глупость... ты же знаешь, я люблю тебя, и это другое люблю. Это совсем

другое люблю! (Кричит.) Зачем ты сидишь, как мертвый?! Это другое люблю! Другое, Сэргей!..

Серезжа (встрепенувшись). А?

Ванька (жалобно). Пойдем, хорошо? Твои товарищи репетируют совсем рядом — у Пашки. Пойдем? Мы пойдем к Пашке, ты возьмешь в руки гитару... Сэргей, мы зайдем на одну минуточку, ведь это очень-очень рядом — через дорогу... Тебе же понравился настоящий «Леви Страусс»! Одевай и пойдем! (Тормозит его.)

Сергей приподнимается со скамьи, берет пакет.

Серезжа. Может, вправду? (Направился к курилке, но остановился у дверей.) Ты с ума сошла! (Жест в сторону коридора.) В джинсах с ними разговаривать? (Швыряет пакет на скамью.) Хорош бы я был...

Ванька. С кем разговаривать? Что случилось, Сэргей, какие тайны?

Серезжа. Нету тайн. (Короткая пауза.) Что смотришь? Просто выгонять меня собираются... (Заглядывает в коридор. Кричит.) Товарищ майор! (Убегает.)

Входит Коля.

Коля. С первым встречным готов был поспорить, что вы тут. Рубликов этак на десять... Ведь всю жизнь выискивали местечко потемнее. (Подумав.) Или на пятнадцать... А где сам?

Ванька. Сам бежал. Что-то случилось, быть может. И я думаю, сам злой.

Коля. Будешь злым... (Присаживается.) Парнишка весь июль, вместо того чтоб загорать на пляже, протрубил в лагерях. Наконец, возвращается — и видит?

Ванька. Что?

Коля (шутливо обнимает Ваньку и одновременно указывает на ее рубашку). Его любимая, можно сказать, девушка носит вот такие штучки!..

Ванька (уютнее устраиваясь в объятии Коли). Почему тебе не нравится? То «Кристиан Диор»!

Коля. Мне лично нравится. Знаешь, а еще больше нравится вот это... что очень уж просвечивает сквозь твоего «Диора». Светит месяц, светит ясный... И все у вас там такие?..

Ванька (вскакивает со смехом). Ведь это только одежда! О, ты дурак, Колька! Ты — монстр!.. А где Пашка?

Коля. Дома, ждет, а я, собственно, за парнишкой прибежал — мы сегодня выступаем!

Ванька. Верно? Как хорошо! То сделает веселым Сэргей. Я думала, он много-много соскучил по своей (подражая Колиной интонации) «любимой, можно сказать, девушке».

Коля. Эх, Ванька, Ванька...

Ванька. Я? О, нет! (Грустно усмехается.) То — гитара, она любимая.

Из коридора выходит Сережа.

Коля. Здравия желаю, парень!

Ванька. Сэргей, сегодня у тебя концерт!

Сережа (без выражения). Да? Где играем?

Коля. На улице Чкалова. Какая-то умная лаборатория арендовала кафе на вечер, отмечают что-то. Договорились по двадцать пять рублей на брата. Они же страшно далеки от жизни, денег не считают. Правда, с условием: играем не только нашу программу, а что-нибудь еще попроще, типа «Роллинг-стоунз», «Би Джиз». Сойдут и «Песняры»...

Сережа. Вот даже как?

Коля. Чтоб поплясал народ! Зато по двадцать пять на брата! Ты, кажется, не расслышал?

Сережа. Почему же... Расслышал. И понял, что вам, видимо, надоело играть настоящую музыку. Мы становимся обыкновенными лабухами? Отлично. Но, помнится, мы договаривались: играть музыку!

Коля. Нет, ты — фанатик! Ну скажи, кто за нее платить станет? Физики? Это же музыка, сам сказал, серьезная! А народу — физикам — танцы дай, обжиманцы, сексуальные пятиминутки!

Ванька. Танцы, секс — о'кей! Но «Роллинг стоунз»... Колька, это очень давно потеряло моду.

Коля. Ах ты! Модные какие! А бесплатно играть — модно? Запомни, девушка: в наши дни что бы ты ни играла, во что бы ты ни играла — только за деньги. По-научному — как ребятишки в подъездах говорят — за «бабки»! Не «Диора», нет, сегодня «бабки» носить модно. В кармане.

Ванька. Ты уверен? А музыка?

Коля (изумленно). Да вы что! Или на собрание пришли? Не-ет, не надо меня за музыку агитировать. За принципы, за мораль... Это вон пускай в университете

учат: бескорыстие, самоотверженность... Светить всегда, знаете ли, светить везде... А мои университеты — играем только за «бабки»!

Ванька. Ты тоже умник...

Коля. Будешь умным... (Сереже.) Сереж, а давай-ка не лезть в бутылку. Все-таки мне почему-то кажется, парнишка, ты не очень расслышал: плата — по двадцать пять рублей на брата. Даже как-то поэтически звучит. И будет, слава богу, на что твой приход отметить. Представь: еще сегодня — сегодня утром! — ты шагал в тяжелых сапогах по пыли в столовую, там тебя набивали кашей, я-то помню, как мы в прошлом году... А вечером тебе на чистую скатерть официант принесет мясо! Жареное! Ну, фантазируй!.. Пошла слюна? Пойдет. (Рычит шутливо.) Мя-со!.. Так что, живо домой, переоденься, повидайся, и чтоб через час был как штык!

Сережа (раздраженно). Ну да, как же... уже бегу, полетел!

Коля (удивленно). Да что же это с тобой такое?! На людей бросаешься...

Сережа. Со мной все отлично. (Помолчав.) Получил письмо от вас с Пашкой. В лагере. (Помедлив.) А сейчас вот в результате жду, когда меня выгонят.

Коля. Не понял... Кого выгонят? Шутишь? (Не дождавшись ответа.) Может быть, объяснишь толком?

Ванька. Сэргей, говори же! Откуда?

Сережа. Для начала — с военной кафедры. Но это ведь означает, что и дальше, из института... Так?

Коля. Вроде бы... Только я не пойму, за что?

Сережа. За то, что письма получал задушевные. Писали ведь мне, не забыл?

Коля. Кто — мы?

Сережа. А не вы прислали письмецо, где, что ни строчка — юморок по поводу наших офицеров? И мат. Через слово.

Коля (в замешательстве). Было дело...

Сережа (устало). И буквально изострились по адресу... к примеру, майора Гонталедова, который по тактике...

Коля. И что? Старый болтун. Обожает лезть ко всем со своими воспоминаниями. Как он там, как он сям. Как он на танк с бутылкой ходил... Извел нас в прошлом году. Мы еле ноги волочили, а он: «Вот я вам, ребятки,

расскажу, как в сорок третьем...» — всю дорогу он со своим генералом на пару воевал. Правда, тот — генерал, а этот... Сколько уже в армии, и все — майор. И с орденами у него... Когда мы присягу принимали, он вырядился! Герой! Одна-единственная медалька «За отвагу»!

Сереза (*перебивает, будто Колины слова причиняют ему боль*). Хватит!.. (*Устало.*) Коля, ведь письмо в данный момент как раз у Гонталедова.

Коля (*с ужасом*). Что-о?!

Сереза (*негромко, как о пережитом*). А я жду, когда он мне двойку по тактике влепит. Всего-то: двойку, детство! Но с вытекающими последствиями. Автоматическими...

Пауза.

Ванька (*нарушает молчание*). Нет, что ты, Сэргей! Это даже смешно... Это твое письмо. И все! Только твое. Никто другой не мог читать...

Ребята невидяще смотрят на Ваньку.

Коля (*протягивает Серезе сигареты*). Покурим, что ли?..

Сереза (*кивает на табличку*). Не видишь, написано: «Воспрещается». Давай уж в курилку...

Коля (*задумался, машинально*). Ну ее... Всю жизнь курили — не боялись...

Ванька. Сэргей, тебя мундир сотворил таким исполнительным? И я прошу слушать меня. Даже смешно...

Сереза (*вдруг кричит*). Мундир! Гимнастерка порусски! Да я не желаю попадаться на глаза военной кафедре! И не смешно! (*Резко заходит в курилку, хлопая дверью.*)

Ванька (*не сразу*). Ах, так! Хендрикс, передавай ему, я очень-очень злюсь. И ушла слышать, как Пашка играет для меня на гитаре. И поцелует, это — передавай!.. (*Уходит.*)

Короткая пауза.

Коля (*заходит в курилку*). Думаешь, это серьезно?

Сереза пожимает плечами.

Скотина твой Гонталедов. (*Вдруг разъяряется.*) Ну, товарищ майор, геро-ой! Умный, знает, на кого в атаку ходить... Слышь, Серезка, прямо руки чешутся!

Сережа. Сейчас будешь или погодишь?

Коля. Что?

Сережа. Бить.

Коля. А-а... (*Пауза.*) Сережка, только паниковать — вот этого не следует. Паниковать — только все испортить. Подумаем, может, чего и придумаем. Идеи-то есть какие-нибудь?

Сережа. Откуда?..

Коля. И у меня. Одно знаю: нельзя тебя в обиду давать. Да что же он в самом деле!.. Ты же наша бас-гитара в конце концов! И чтоб мы... (*Уверенно.*) Будут идеи! А пока пошли-ка отсюда — надымили. Вообще ненавижу здесь топтаться.

Сережа (*жест в сторону вестибюля*). А там нас за сечь могут.

Коля (*неожиданно*). Стоп! Есть идея! Сережка, это же элементарно! Почему он на тебе должен зло срывать? Ты ведь письмо только получал, не писал. Писали-то мы с Пашкой! А мы еще в прошлом году от лагеря отделались, слава тебе, господи! Опять же дипломы уже на руках, восемнадцатого вручили. Ловишь идею? Не ты — мы! Вот пойд и растолкуй... (*Помолчав.*) Стой-ка... (*Просял.*) А хочешь — мы с тобой! Ей-богу, даже лучше: вместе подкатимся — и...

Сережа. Пойдете со мной?..

Коля (*вновь в раздумьях*). Хотя мужик-то он наверняка мстительный. Еще бы! Был бы действительно, а то... Скажи, почему всегда мелочь всякая больше всех к себе уважения требует? Чувствует небось свою цену. Но чтобы познать... Вот люди!.. Ладно, пошли. (*Хочет выйти из курилки.*) Выступать вечером, а чем я петь буду — никотинóm?

Сережа. Мне ведь ждать надо, Коля. Понимаешь... я побежал за ним, хотел поговорить, а он: «Если хотите, подождите меня недолго...» Собрание у них на кафедре.

Коля. А что после собрания?

Сережа. Поговорим...

Коля. О чем?

Сережа. Я только предполагаю... Понимаешь, там ведь не сказано, кто писал. Видно, конечно, по содержанию — свои, никого не забыли упомянуть. А кто именно... Вы же только росписи поставили — кто эти зако-

рючки разберет? И мне кажется, что Гонталедову очень бы хотелось фамилии услышать. Разборчиво.

Коля (*напряженно*). Зачем?

Сережа. А зачем еще разговаривать. Если уж попался, выкладывай, кто сообщники. Или, думаешь, не спросит?

Коля (*перебил тихо*). Спросит...

Сережа (*удивленно*). Вот... (*Короткая пауза*).
Пойдем. Действительно, надымили...

Коля (*задумчиво*). Туда? (*Жест в сторону вестибюля*). Нет...

Сережа. Чего вдруг?

Коля. Чтоб засекли?

Сережа. Да я уже все, накурился. (*Гасит сигарету*). Мне, между прочим, тоже вечером петь... хотелось бы...

Коля. Не в куреве же дело.

Сережа. То есть?

Коля. Засекут — сразу поймут, кто писал. Точно! Кто ж еще с тобой тут околачиваться станет...

Сережа (*легкомысленно*). Да ну! Почему обязательно... (*Осекается, потом тихо, глядя в упор на Колю*).
Вообще-то, конечно. Поймут. И что?

Коля (*не сразу*). Да нет, ничего... Это я так... случайно. Пошли.

Выходят в вестибюль.

Пауза.

Сережа (*подбирает джинсы*). Пока меня не было, сильно к Ваньке приставал?

Коля. Кто?

Сережа. Пашка.

Коля. Нанялся я за ними следить? Между прочим, мы тоже тут не бездельничали. Госэкзамены, защита... Да покамест с обходным листом всех обежишь. И еще не конец. Еще характеристики для работы собирать...

Сережа. Бог ты мой, напрочь из головы вылетело... Распределили? Как?

Коля (*с горечью*). Всех по-разному. Пашку взять — так при папаше...

Сережа. Давно известно. А тебя?

Коля. А у меня папаша нет. Вернее, что есть, что нету его...

Серезжа. Ну, хоть в Москве-то оставили?

Коля (*вздыхнул*). Хоть оставили... Старшим помощником младшего дворника. Буду квалифицированно подсчитывать доходы мебельной фабрики номер четыре. И никакой продукции на экспорт. (*Со злостью*.) Только пусть выкусят! Есть одно местечко и для меня в этом мире. Года через два могу хоть на голову становиться. На фабрике им меня не увидать. А пока главное, чтоб все чисто было. Гладко... Лишь бы не застыть — шевелиться, шевелиться!..

Серезжа. Да-а... Ну, а Пашка?

Коля. Прямиком в Аргентину Пашка. В солнечный Буэнос-Айрес... На укрепление торговли...

Серезжа. К Ваньке все-таки он сильно приставал?

Коля. Слушай, чего ты хочешь? Чтоб я тебе сказал: нет, не сильно? (*Мягче*.) Серезженька, мой тебе совет: остановись в этом смысле, пока не поздно. Вопрос же не в Пашке, в ней. Понятно — иностранка, все прочее. Но что, у них там все такие резвые? Не Швеция ж.

Серезжа (*перебивает*). Все! Достаточно... Не твое, не тронь. И ничье вообще! Мое... И хватит на эту тему. Закрыли...

Пауза.

Это не дверь хлопнула?

Коля. Нет. Они еще долго будут. В прошлом году часа два заседали. Итоги сборов... (*Помолчав*.) Что ж, кончат волынку — сразу же к Гонталедову идем... И подтверже, смотри! Пусть чувствует — с людьми дело имеет. И Пашку с собой захватим.

Серезжа (*неохотно*). Захватим...

Коля. Ударная сила, никуда не денешься... (*Задумчиво*.) Лишь бы до завкафедрой не дошло... Как думаешь, на летучке Гонталедов не расколется? Ведь если завкафедрой прознает...

Серезжа. Голубев? (*Испуганно*.) Коль, а они же вдвоем в аудиторию заходили, с Голубевым как раз.

Коля (*быстро*). Вдвоем? (*Немного подумав*.) К Гонталедову скорее бы! И — умолять. Каяться, Пожалобнее, главное, будто сироты малые. Ты понял?

Серезжа (*удивленно*). Нет...

Коля. А я говорю: пожалобнее! Или чтоб выгнали тебя из-за такой чепухи? И нас в придачу... (*Осекся, потом присвистнул*.) Ого-го! Ведь и нас с Пашкой задеть могут, да так... Если и до Голубева уже дошло... А мы

характеристики еще не получили... Представляешь, что напишут? (*Опять присвистнул.*) Дело-то серьезненькое, оказывается!..

Сер е ж а. Еще бы! Вот спросит он у меня, кто писал? А зачем? Зачем фамилии-то?

Ко л я (*испуганно*). Какие фамилии?

Сер е ж а. Отличный вопрос... Значит, фамилии? Ваши. Пашина. Твоя.

Ко л я. Да, конечно... Моя. Пашина... Моя...

Пауза.

Сер е ж а, а как оно вообще к нему попало?

Сер е ж а. Письмо? А-а... Через сверхсрочника одного, местного. Смеялся... Ржал, когда читал. А потом Гон-таледову и подсунул.

Ко л я. Понимал, что именно он, о ком больше всего?

Сер е ж а (*усмехается*). Потому и подсунул.

Ко л я. Подлец! Подлец натуральный. (*Дрожит от гнева.*) Вот подлецы-то бывают! А нам — расхлебывай... В морду бы ему, в кровь, клянусь! Хотя сам небось ему выдал перед отъездом?

Сер е ж а (*с сожалением*). Если бы... Ведь все сегодня и случилось! Четыре часа тому назад буквально! Уже мы и форму сняли. Сидели, ждали, когда на электричку поведут... Такая обида — весь месяц продержаться и в последнюю минуту...

Ко л я. Специально поеду, дня не пожалею — убью подлеца... Слушай, а к нему в руки-то как попало?

Сер е ж а (*горько*). Попало! По обыкновенной дурости. В общем, по моей дурости. Утром он пошел рыскать по палаткам — дезодор, одеколоны оставшиеся собирать, мы их с собой не брали — зачем в Москве? Лучше местным оставим. Помнишь, полочки такие?

Ко л я. Еще бы, тоже оставляли...

Сер е ж а. Ну вот! А я письмо там положил. В рюкзак, балда, сунуть забыл. Понимаешь?

Ко л я (*напряженно*). Что?

Сер е ж а. Забыл.

Ко л я. Письмо ты забыл?

Сер е ж а. Ну да! А он прочел — и дальше. В общем, «прочти и передай товарищу». (*Напряженная пауза, с горечью.*) Надо же! Весь месяц продержаться — и в последний час!..

Пауза.

Коля (*тихо*). Хочешь, скажу, кто ты после всего этого?

Сереза (*махнул рукой*). Да чего я...

Коля (*взрывается*). Ты! Дрянь последняя! (*С расстановкой*.) Самая последняя дрянь!

Сереза. Я? Коля...

Коля. Офонарел совсем? Хоть раз ты пошевелить мозгами можешь? Кто тебя просил письмо на полке оставлять? Тем более знал: все, что на полке, — местным...

Сереза. Ты не ори, не ори. Разорался...

Коля. Ты б его еще вместо боевого листка на стенд вывесил! А? Я, мол, только получал, не писал... А вы — посмейтесь!

Сереза. Значит, это я нарочно?

Коля. Слушай, а не пора ли жить учиться? Зачем, скажи, глаза тебе дадены? Чтоб на Ванькины округлости любоваться через рубаху? Дадены, чтоб всегда увидеть, кто тебе свинью подложить собрался. Почему я должен смотреть? Идти — смотреть, сидеть — смотреть, даже спать — и то смотреть? Почему тебе жить легче? Знаешь, парнишка, не умеешь — не живи.

Сереза. Спасибо за совет... Плевать я хотел на твои советы!

Коля. Плевать?? Зато мне не плевать, понял? Тебе хиханьки, а потом — всем страдать? Не-ет... (*Помолчав, вдруг тихо, просяще*.) Сереза...

Сереза. Чего?

Коля. Ты ж еще до сборов бросать институт собирался. Ты ж бас-гитара профессиональная!

Сереза. Собирался, да не собрался...

Коля (*умоляюще*.) Но ведь только потому, что мы! Мы! Тебя! До-олго уговаривали! (*Видя, что Сереза не реагирует, резко*.) И уговорили. Ну, а теперь не уговариваем! Бросай, кому он нужен, этот вуз! Тем более такой оборот. Тем более ты — бас-гитара профессиональная!

Сереза (*неуверенно*). А кто у нас Хендриксом считается? Соло-гитарой?

Коля. Я?? (*Истукленно*.) Мне чистые характеристики дай! Чистейшие! Как снег! Мне работать надо! Вступать! Я человеком стать хочу! (*Устало*.) И из-за такой дряни, как ты...

Сереза (*перебивает*). А по-моему, дрянь на мебельных фабриках доходы подсчитывает...

Коля (*замолчал, потом негромко*). На мебельных

фабриках, Сережа, тот, кто все — сам. Без папаш особенных. Я — сам! Не вышло у меня с родственниками. *(Кивнул на двери.)* И у баб за любовь тряпки получать не привык. *(Громче.)* И мараться со всей этой историей по твоей милости не желаю! И не буду!

Сережа *(растерянно)*. Но ведь...

Коля. Все!! К Гонталедову я ни ногой, ясно? А заложись...

Сережа *(зло)*. Ну уж, не волнуйся!

Коля. А я и не волнуюсь! Но ты, если только зайкнешься про меня...

Сережа. Коленька, а знаешь, пошел-ка ты отсюда!.. *(Орет.)* Пошел!.. *(Уходит по коридору.)*

Коля *(после паузы)*. Пожалуйста... дурак. *(Уходит в другую сторону.)*

В вестибюль входят Ванька и Паша.

Паша. Все-таки нашли, из-за чего нервы трепать. *(Декламирует.)* А он, мятежный, ищет бури... А через два часа концерт!

Ванька. Пашка, но все это так странно! У нас...

Паша *(перебивает)*. У вас много чего другого. В каждой избе по-своему. *(Смотрит на часы.)* Батя уже домой пришел. Значит, больше не порепетируем. Вань, знала бы ты, как гнусно на сердце делается, когда подумаю: конец, последние выступления. Были трубадуры, стали чиновники... А ведь могли бы! Серый вот дуется: музыка не та. А чего уж теперь... Я, например, тоже мечтал: он будет музыку писать, сам, ведь талантливый... А я подбирать тексты. Пойми, я настоящую поэзию мечтал петь! Ведь можно! Бернс свои стихи пел... А какие у Ахмадулиной чудесные вещи есть! А Женя Евтушенко... Я бы подобрал! Ну, и своих стишат подбросил бы немного...

Ванька. Ты поэт, Пашка?

Паша. Какой из меня поэт... Но две-три вещицы откопал бы, дал бы Сережке — вдруг понравится? И спели бы прекрасно, а что? Нет?

Ванька. Так пойте!

Паша *(грустно)*. Когда?.. Чиновники, Йованна, не поют...

Из коридора выходит Сережа.

(Сереже.) Привет!

Сережа. Здравствуй...

Паша (*лукаво*). А Йованна сказала, ты по курилкам прячешься. Как выражались партизаны, ховаешься! Ну, не грусти, Сергей! Выше нос!

Серезжа. А Хендрикс уже сбежал. Вообще ты уже в курсе?

Паша. В курсе... Куда сбежал?

Серезжа (*едко*). В уголок, видимо, забился с перепугу. Ховается...

Паша. Не может быть, чтобы Колька... Не верю!

Серезжа. Как угодно. (*С вызовом.*) А, собственно, почему бы и не побояться ему? Конечно, выгонять вас неоткуда теперь. Но существуют же еще характеристики! Туда много можно вписать при желании, если вы за меня заступаться пойдете. Колька это понял. Так что, может, не надо? Расходитесь тихо по домам...

Паша (*проникновенно*). А тебя — бросить? (*Ваньке.*) Вань, здорово он о нас думает, а? (*Серезже.*) Сергей, мы же друзья. Скажи честно: ты считаешь, вся эта история — не на пустом месте? Чем-нибудь на самом деле может грозить?

Серезжа. Тебе — вряд ли...

Паша. Я о тебе говорю.

Серезжа. Да. Да! И не чем-нибудь, а самым настоящим выгоном. Или похоже, что я шучу? Ванька, взгляни — похоже? Наверное, мне не хочется играть на гитаре, я разлюбил это занятие?

Паша (*тепло*). Если чем-нибудь грозит, Серый... Я, конечно, не обещаю — кто его знает, но с батей я поговорю.

Серезжа. С батей... (*Вдруг просиял.*) Можешь? Паш... да если ты не боишься ему рассказать! Ему стоит только рассказать, он... Но ты не боишься? А? Мат?

Паша. Нет, батя у меня свой в доску. Решено, с батей надо советоваться. Ну, так я побежал?

Серезжа (*вдруг помрачнев*). Ладно, не стоит... Все равно не успеешь — уже скоро у них кончится.

Паша. Ну да! Через дорогу, туда-обратно... (*Смотрит на часы.*) Тебе продержаться самое большое пятнадцать минут. (*Заторопился.*) Ну, с богом! (*Убегает.*)

Пауза.

Ванька. Пашка добрый друг.

Серезжа (*посмотрев на Ваньку, с горечью*). Лучше меня, ясное дело. И симпатичный...

Ванька. Очень! Однако...

Сереза. Что?

Ванька. ...уверен, что все женщины должны молча ходить за ним... (*Запнулась.*) Но! Это!.. (*Щелкает пальцами, вспоминая.*) Вспомнила! Как женские бараны. То не верно думать.

Сереза (*расхохотался*). Как кто, говоришь?

Ванька. Женские бараны... не так, Сэргей?

Сереза. Овцы, что ль? Ну и дуреха же ты, Ванька!

Ванька (*тоже смеется*). О Исус, одна из первых дурех Европы! О'кей! (*Тихо.*) Сэргей... ты очень хочешь поцеловать ее?

Сереза (*удивленно*). Кого?

Ванька. Дуреху?

Сереза (*в некотором замешательстве*). Ну, раз спрашиваешь... Со всех-то дел... (*Целует.*)

Ванька. Еще, Сэргей!

Они целуются и обнимаются. Реплика распространяется до конца диалога.

Ты должен обнимать меня больно, очень много больно! Будто... по-английски это «крейзи». Будто «крейзи»!

Сереза. А по-русски это — сумасшедший. Я сумасшедший?

Ванька. Ты «крейзи». О, слышишь? Поет ангел. (*Вскрикивает.*) Вижу! Он одел ноги в настоящий «Леви Страусс», а тело — в пыльную... не мундир, нет. (*Четко выговаривает.*) Ги-мна-стер-ка.

Сереза. Чего?

Ванька. Небесный ангел, Сэргей, небесный ангел.

Сереза. «Крейзи» — это ты, Ванька. Это ты...

Ванька. Может, я и сотворилась «крейзи» — так долго ждать тебя. (*Удивленно.*) О-о! Развязал бантик...

Сереза. Да, да, да...

Ванька (*уже спокойно*). Развязал второй бантик. О, Сэргей! Наш друг Хендрикс — монстр. Скажет: Ванька носит «Кристиан Диор» — то развратно. У нас нет таких монстр. Хочешь развязать последний бантик? Что будешь делать потом?

Сереза. Не знаю. Пусть...

Ванька. Я не боюсь, о да — пусть!.. Но, думаешь, то плохо, что мы делаем? Если заходят люди?

Сереза. Плевать!

В вестибюль входит Коля, понуро садится на скамейку, печально и устало прячет лицо в ладони. Ванька и Сереза его не замечают.

Скажи... ты любишь меня?

Ванька (*вскрикнув*). Исус! Ты спрашиваешь.. (*Потом тихо*.) Я скажу тебе... Я так ждала тебя!

Сереза (*настойчиво*). Ты... любишь?

Ванька. Ангел в джинсах и гимнастерке...

Сереза. Да или нет??

Ванька. Да! (*Быстро*.) О, Сэргей... Ты хочешь знать, верно? Я люблю тебя... я... Сэргей, но я же просто люблю тебя!!

Коля. Может, отдохнете?

Сереза (*резко оборачивается*.) А? Ты?

Ванька. Хендрикс?

Коля молчит. Короткая пауза.

Что так? Хендрикс, прошу тебя, уходи.

Сереза (*Ваньке*.) Не кричи... (*Коле*.) Коль, конечно же... Хорошо, что пришел. Правда. Спасибо. (*Коля молчит*.) Честно говоря, я и не сомневался, что придешь. Стоял вот, а про себя думал: ну, далеко он не уйдет. Мы ж вместе как-никак, а? (*Подсаживается*.) Знаешь, Колюныч, так мне это самому надоело! По-дурацки я, видно, устроен — не могу без происшествий. Но это же беда, за нее чего ж ругать человека? Правильно, что пришел. Хорошо. А поцапались мы... Я, конечно, погорячился. Ну, извини. Да и ты ведь — тоже ведь раскудахтался: «Заложись, заложись...»

Коля (*тихо*). Уже.

Сереза. Что?

Коля молчит.

Коль, что — уже? (*Ваньке*.) Ты понимаешь?

Коля (*как бы самому себе*). Я одного не пойму: почему — я?

Сереза. Что — ты? (*Раздражен Колиным молчанием*.) Что ты там бубнишь себе под нос? Слушай, ты вообще-то зачем пришел?

Коля молчит.

(*Выходит из себя*.) Я ведь плюю. Не видишь? Плюю! (*Деланно смеется*.) Боже мой, Коленька, ну да! Я ведь

так и так на пятый курс не пойду. К чему он мне, этот вуз? Мы женимся — так ведь, Ванька?

Ванька (*изумленно*). Мы?..

Серезжа (*Коле*). А почему бы и нет? Махнем к тебе. Там в любой кабаке играть с руками оторвут. За «бабки»!

Ванька (*оторопь прошла, но не совсем*). Исус, зачем оторвут руки? О нет, руки никому не оторвут, что ты!

Серезжа (*Коле*). Чего тебе здесь нужно?

Коля (*негромко, словно не слышал крика*). Конверт — тоже у Гонталедова?

Серезжа. У Гонталедова... (*Догадавшись*). Вот оно что! Коля, обратный адрес, да?

Коля кивает.

Но фамилии же твоей там нет! «Джимми Хендриксу» там сказано. «Лично в руки».

Коля. А адрес — мой. Найдут. Если захотят — без усилий найдут. (*С болью*). Я лишь одного в толк не возьму: это что же — судьба?

Ванька. Колька, ты плачешь? (*Презрительно*). Маленький, слезный монстр...

Серезжа. Йованна!.. В этом деле тебе ничего не понять. Понимаешь? Это наше дело.

Ванька. Мужское?

Серезжа. Да. Мужское. Было бы лучше, если бы ты...

Ванька (*смотрит в упор на Серезжу*). Отлично. Я пойду... О'кей, пойду лить холодную водичку на голову. Мне было горячо, Сэргей. Надо лить холодную трезвую водичку на голову. (*Пауза*). Но скажи... Ты хочешь, чтобы я ушла? О, первая дуреха Европы не делит с тобой страх! Но она не понимает, Сэргей, что ты делал против совести? Что?!

Серезжа. Уходи, Вань. Не надо. Потом... Иди.

Ванька уходит. Пауза.

Коля. Прямо судьба какая-то. Рок. Почему именно мой адрес? (*Помолчав*). У тебя есть в роду с высшим образованием?

Серезжа (*пожимает плечами*). Родители...

Коля. Молодцы. Я тоже молодец. Первый с образованием. Из всех поколений — первый. Вот этим вот горбом взял! Но взял же! А теперь, значит, коту под хвост...

Нормально. Сам виноват. Вы же дети, дети! А мне двадцать четыре... Ну, для чего я писал, кто за руку тянул?

Серезжа. Опять?

Коля. Ладно, не буду... Но адрес почему мой? Чем я провинился? Серезжка, я ж хотел друга насмешить. Всего-навсего! Настроение ему в трудную минуту повысить! Тебе! Глупо, конечно... Но за глупость — так сильно бить?.. *(Помолчал, потом со смехом.)* А за что же еще, собственно, если не за глупость? За глупость и стоит бить!

Пауза.

Серезжа. Будет у тебя высшее образование. И характеристика. Все будет. Что мы, трое против одного — и не справимся?

Коля *(быстро)*. Трое? Значит, и Паша? А где он?

Серезжа. К отцу пошел советоваться.

Коля *(с надеждой, бурно)*. Это — правда? По нашему делу — к своему отцу? Не врешь?..

Серезжа. Мне сейчас только врать...

Коля. Нет, честно? Серезжка, да ты сознаешь, что происходит? Все, все... только бы он успел!

Серезжа. Успеет он... *(Задумчиво.)* А странно, да, Коль? Если Пашка к отцу не пошел бы — мы циничные, грубые и морально распущенные. А вот пошел — мы уже нормальные. Простить могут. Не странно?

Коля *(не слушая)*. Боже мой, боже мой... Неужели пошел? Молиться на Пашку буду!

В вестибюль входит Паша.

Паша. Я икона, что ли? Эх, ребята... На улице — солнце, все цветет... Девушки в открытых платьях ходят. А мы здесь... Ну, ничего! Потом все едем купаться, а? И никаких концертов. Сами для себя концерт устроим — будем играть ту музыку, которую любим... *(Серезже.)* Я пару текстов тебе решил показать, взглянешь? Мои...

Серезжа. Твои?.. Ты поговорил с папой?

Коля *(перебивает)*. Поговорил?

Паша. Поговорил.

Коля *(настойчиво)*. И?

Паша. Ладно, пошли в курилку.

Серезжа. Снова? А тут нельзя?

Паша. А тут пока рановато...

Все заходят в курилку.

(Протягивает сигареты.) «Пэлл Мэлл» — налстай. Пам от бати. Вирджинский табак...

Коля. Паш, все-таки как теперь нам...

Паша. А теперь... (Тон его перестает быть мягким и дружелюбным, в нем появилась некоторая развязность. Серже.) А теперь ты пойдешь к Гонталедову и сильно повинисься. Мол, дурачок я, виноват. А ребята — пьяные... Ну, да: пьяные писали, и никакие они мне не дружки.

Коля. Как??

Паша. Ну, будто бы не друзья. А писали пьяные, и ничего не соображали. Знаете, оказывается, выпить, да еще на досуге, — это не криминал. Ну, вот... (Серже.) И если спросит, значит, скажи: зачем мне ребят называть? Вы же сами понимаете, товарищ майор: честь мундира... Всякое такое... И слезно молю: письмецу хода не давайте! К чему мальчикам биографии с самого начала портить? Мы — желторотые, не ведаем, что творим... (Виновато.) Ну, вот... Да! (Вновь деланно развязно.) Ни в коем случае, слышишь? Ни в коем случае права не качать! Тайна переписки — даже не заикайся! Батя предупреждал: уже не ребенок... (Виновато.) Ну, вот...

Сержа. Одному, стало быть, к Гонталедову подходить?

Паша. Серый, ну пойми: батя специально подчеркивал, чтоб никаких групп! Там, где больше одного, — уже группа. Уже дело. А так — просто один дурак сопли распустил... Ну, разве не ясно это? Ведь чтоб лучше вышло, для всех!

Коля. Не выйдет. Не выйдет ведь, Паш!

Паша. Почему?

Коля. Потому что я — тоже, Паш. Тоже... Придется, наверное, тебе еще раз к бате...

Паша (надрывно). Но не понимаю: почему?

Коля. Обратный адрес — не помнишь? Мой.

Паша. Ой!.. (Чуть подумав.) Ну, так вдвоем подойдете! Даже лучше! Коля, ты прекрасно умеешь, мастер просто слезу подпустить. Так давайте! Я же объясняю, сам батя сказал: всей ватагой ходить — ни-ни-ни! Ни бже мой! Он же знает, что советовать. Строго-настрого. Он же на таких вещах собаку съел!

Сержа. Ладно...

Паша. Я же объясняю, он кричал! Он кричал: тут сопли нужны! Как вы не понимаете, честное слово?

Коля (*мрачно*). Понимаем... (*Серреже*.) «Знай свое место» — это называется. Крышка нам, Сережа!

Паша. Нет, ей-богу, с вами с ума сойти можно! Какая крышка? Почему крышка? Ребята, вы же не знаете многого... Их же тоже за такие фортели по головке не погладят. Они — кто? Наши воспитатели! И кого, спросят, вы нам воспитали? А главное: ничего же в письме такого нет. Юмор один. Да, матом — есть. А кто и когда обходился? Ну, представим даже, что на работе известно. И что? снимать, что ли, за мат? Всех тогда подчистую. Работать в стране некому будет. (*Коле*.) Ну, представь ты, что у тебя на работе известно...

Коля (*как током ударило*). Почему у меня? Почему не у тебя?

Паша (*теперь он вздрогнул*). У меня?.. Но, Коля... Ты же знаешь, мне придется работать не в Союзе, а это совсем иное... (*Развязно*.) Да что это мы вдруг обо мне? Я же русским языком объяснил: ничего такого. Отцу-то виднее в конце концов!

Серрежа (*усмехаясь*). Откуда ему виднее? Он что, читал?

Паша (*победно*). Да. Читал! А я — краснел! Ведь такое мы понаписали. Как я мог — я не знаю. А мог... Стыдно.

Коля (*зло*). Что ты голову нам морочишь? Кто что мог читать, когда письмо у Гонталедова?

Паша. Письмо у Гонталедова. Чистовик. Который на машинке напечатан. А черновик? Который от руки? (*Вытаскивает листок из кармана*.) И я это бате дал... пришлось.

Серрежа. То же самое, что в письме? Дал?? Я бы не смог...

Паша. Смог бы. Чтоб помочь. (*Смотрит на часы*.) Ребят! В общем, держитесь. Вы же все правильно поняли? А я лечу на Чкалова — неудобно, люди на нас рассчитывают, а мы... Я только отменю концерт, извинюсь и обратно. И купаться, купаться! К нам...

Ванька (*входит в вестибюль, кричит*). Сэргей! Где ты находишься, Сэргей? Это я, Ванька! (*Скрывается в коридоре*.)

В курилке никто не слышит Ванькиных криков.

Паша. А это... (*Держит черновик*.) Гадость все-таки

большая. И урок нам. (*Подумав.*) Знаете, где этому место? (*Разжимает пальцы, листок падает в урну.*)

Коля (*орет*). Что-о?? (*Бросается, достает из урны листок.*)

Ванька (*выбегает из коридора, кричит*). Сэргей! Мальчики! Там кончилось! Офицеры уходят! Сэргей!

Паша (*в курилке*). Ты с ума сошел?

Коля (*его трясет*). Я... я...

Ванька (*стучит в дверь курилки*). Сэргей! Мальчики! (*Срывает со стены табличку «Курильщик воспрещается», разбивает ее.*) Этого — довольно! (*Вновь барабанит в дверь курилки.*) Сэргей! Пожалуйста!

Паша (*в курилке, Коле*). Спятил, я спрашиваю? Ты еще нырнул бы в дерьмо!

Сергей, услышав стук, выходит в вестибюль.

Ванька (*Сереже*). Сэргей, скорее же!

Сережа (*кивает на коридор*). Уже пора?

Коля (*в курилке, Паше*). Я... ты... Ты писал, ты! (*Сжимает в протянутой руке листок.*)

Паша (*недоуменно*). Что я писал? Где?

Ванька (*в вестибюле, Сереже*). Разве ты один, Сэргей? А мальчики? Кажется, втроем не так страшно. И знаешь... Ты прости меня, Сэргей. Теперь мне тоже страшно. Я не знаю, почему, но — страшно. Ты один пойдешь говорить с офицером? Но я тоже!

Сережа. Ну уж нет!! (*Направился было к курилке, но остановился, махнул рукой.*) Совсем один... (*Быстро уходит по коридору.*)

Коля (*в курилке, Паше. В руке — листок*). Рука! Ты писал! Почерк — твой!

Паша. Конечно, я разве отрицаю? Я...

Коля (*перебивает*). Пойдешь с нами. И проси отца, чтоб помог! Скорее!

Паша. А, вот ты о чем... (*Зло.*) Ну, а если не пойду? Кто на меня наступит? Ты?

Коля. Пойдешь. Почерк твой! Докажу!

Паша. Вот как? Доказывай... А почерк — да, мой.

Коля. И проси отца! Пусть что-нибудь придумает — или мы пропадем. Все. И ты! Все вместе.

Паша. Ох ты! Вот ты какой, Коля... Решил, значит, что батя тебя заодно отмажет, раз уж меня придется? Так? Умно...

Коля. Скорей!

Паша. Решил, ты на меня наступишь, а он тебе за

это спасибочки скажет? И тебя, значит, со мной под одну гребенку вытягивать? Умно.., (*Жестко, презрительно.*)
Коль, а в ножки тебе не поклониться, случаем?

Коля (*растерянно*). Нет...

Паша. Ну, так знай: батя — отмажет, не сомневайся. Но меня одного, понятно? Если само собой не утрясется — то меня одного. Так он и сказал, понятно? Умно?! Одного меня!!

Коля (*отчаянно*). Сволочь! Сволочь... проси!..

Ванька (*врывается в курилку*). Вы? Но Сэргей уже там, он уже разговаривает с офицером. Один. Хотя можно бежать. И успеть! Пашка!

Паша (*изменившись в лице, робко*). Я? Но, Йованна... Видишь ли...

Ванька (*Коле*). Колька?

Коля (*хмуро*). И что с того, что один?

Ванька. Как так, Колька? Но ведь можно успевать, помочь!

Коля. Может, и можно — успевать. А помочь... (*Глядит на Пашку.*) Помогал один такой уже...

Паша (*смущенно*). Но ведь я...

Ванька. Пашка, иди скоро! Скажи, что это письмо... Но! Как это? (*Щелкает пальцами, припоминая слово.*) ...Глупость! Стыд!

Паша. Йованна, видишь ли — я на улицу Чкалова хотел... то есть, концерт... я должен... В общем...

Коля (*кричит*). Слушай, девочка! Про стыд говоришь? А сама совсем стыд потеряла? Тут мужская территория. Ясно? И бабам тут делать нечего. Все! (*Толкает Ваньку к двери.*)

Паша. Действительно! (*Воодушевляясь.*) Нет, на самом деле! Что такое — уже всюду за нами по пятам бегаешь. А мы просто-напросто курим... Зашли вот покурить на минутку. Ну, по одной затяжке, слышишь? А потом...

Ванька (*отрицательно мотает головой*). Нет, что вы! Пашка, идем! Колька! Я... я буду целовать вас — потом. Нет, сейчас! Всех! Но за это — пойдем скоро!

Коля (*кричит*). Иди! Иди, кому сказали! Ну!! (*Выталкивает Ваньку из курилки.*) Дура... Куда пойдем? Сами сейчас явятся. Поговорят и явятся. С Гонталедовым. (*Смотрит на Пашу.*) За нами... Что ж, нормально. (*Закуривает новую сигарету.*)

Из коридора медленно выходит Сережа.

Ванька (в вестибюле). Сергей!

Паша (выскакивает из курилки). Сережа! Ну как, как?

Сережа (безучастно). Нормально...

Паша. Слава богу!..

Из курилки тихо выходит Коля, напряженно всматривается в Сережу.

Подожди... а что значит «нормально»?

Коля (не выдерживая). Назвал?

Сережа. А зачем? Ну, назвал бы... А все и так знают. Кто Хендрикс, кто Маккартни. Мы ведь просто не додумались, а мы... Бит-группа. Шарага. Компания. Друзья, одним словом. Друзья мы.

Коля. Мы?

Паша (Коле, скороговоркой). Мы, мы, а кто же еще?

Сережа. Значит, мы в ответе друг за друга. И я — в ответе. Какая же разница — ты писал или я писал... Мог бы ведь и я написать! Друзья же.

Паша (неожиданно грубо). Грамотно он тебя.

К ребятам резко подходит Ванька.

Ванька. Сергей, зачем говоришь, оторвут руки? Нет! Я имею руки. Его нужно бить по щекам, этот офицер. Он — монстр. То плохо, что делает. И я имею руки — вот! — бить его по щекам. О'кей! (Направляется к коридору.)

Сережа (бросается к ней). Ванька, стой! Зачем?

Ванька. Пусти!

Сережа. Да не надо же!

Ванька (кричит). Пусти!! (Вырывается и убегает по коридору.)

Пауза.

Сережа (тихо подходя к ребятам). Зачем? Ведь он письмо — не читал. Не обзавелся такой привычкой, говорит. И отдал. Вот... (Вытаскивает из кармана.)

Паша. Ка-ак?

Сережа. «Письма, адресованные другим, — говорит, — не читаю. Нет привычки», — и все! Единственное спросил, успел ли я ему вмазать...

Паша. Кому?

Сережа. Сверхсрочнику. Сам, говорит, не мог — при погонах, не поймут, буца целая поднимется... А ты,

говорит... (*громче*) обязан был. Так вмазать, чтоб впредь
неповадно было. Чтоб гвардию не позорил!

Пауза.

(*Тихо.*) Ведь он — единственное, что спросил: вмазал
ли я. Сам, говорит, не мог — буча целая подыметя...
(*Осекся.*)

Из коридора медленно выходит Ванька. Спокойно, словно не
замечая ребят, садится на скамейку, достает пачку сигарет из сумоч-
ки, чиркает зажигалкой и рыдает, все ниже опускает голову, корежа
плечи и лопатки.

Ребята молчат.

Занавес.